

92
1101
ДКХ
МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ

21 $\frac{227}{415}$

ОТЧЕТЫ
И
ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВЪ РОССИИ

Томъ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площ., д. М-ва Финансовъ

1894

Кустарная промышленность въ Средней Азіи.

Отчетъ 1890 г. С. А. Давыдовой.

Открывшаяся 30 августа 1890 г. въ Ташкентѣ выставка, состояла изъ 16 отдѣловъ, заключавшихъ въ себѣ образцы различныхъ отраслей сельскаго хозяйства и сельской промышленности, лѣсоводства, горной промышленности, желѣзнодорожнаго и тюремнаго дѣла, скотоводства, коневодства, охоты и рыбной ловли, кустарной и заводской промышленности и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Устроители выставки и экспоненты, принимавшіе въ ней участіе, съумѣли воспользоваться всѣми преимуществами мѣстнаго климата и растительности, а также и стилемъ, удивительныхъ по красотѣ среднеазіатскихъ зданій, удобнымъ строительнымъ матеріаломъ и умѣніемъ туземцевъ возводить постройки и отдѣлывать ихъ гипсовыми украшеніями.

Среди всѣхъ этихъ зданій, почетное мѣсто занималъ павильонъ кустарныхъ издѣлій. Здѣсь были выставлены разнообразныя образцы старинной и новѣйшей работы кустарей изъ Ташкента, Самарканда, Ходжента, Коканда, Чимкента, Ура-Тюбе, Маргелана, Ферганской области и Андижанскаго уѣзда. Далѣе, въ другомъ помѣщеніи, подъ навѣсомъ, находились мастерскія, гдѣ, въ теченіе всей выставки кустари производили различныя издѣлія. Помимо новыхъ русскихъ подданныхъ, на выставку явились также бухарцы и хивинцы, патры и кибитки которыхъ были наполнены самыми разнообразными и оригинальными кустарными работами.

Благодаря внимательности распорядительнаго комитета выставки, предсѣдатель котораго, генералъ Гродековъ, просилъ меня принять участіе въ экспертной комисіи по кустарному отдѣлу, мнѣ представилась возможность не только подробно осмотрѣть кустарныя произ-

веденія, выставленныя въ разныхъ павильонахъ, но и познакомиться также со многими лицами, живущими давно въ Средней Азіи, знающими ее прекрасно, и могущими объясняться съ туземцами на ихъ родномъ языкѣ. Благодаря крайней обязательности этихъ лицъ, мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о положеніи кустарной промышленности въ краѣ, не ограничиваясь выставкой, а изучая нѣкоторые промыслы на мѣстѣ производства въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и Бухарѣ; при этомъ выяснилось значеніе кустарной промышленности для населенія Средней Азіи, оцѣнить которое вполне можно только знакомясь одновременно, какъ съ промыслами и съ условіями, сопровождающими производство ихъ, такъ и съ характеромъ самихъ производителей. Поэтому, приступая къ описанію кустарной промышленности, необходимо, предварительно, хотя слегка коснуться склонностей туземнаго жителя, его домашняго быта, нравственнаго и умственнаго развитія, — словомъ всѣхъ тѣхъ сторонъ жизни сарта, которыя такъ или иначе вліяютъ на его понятія и сношенія съ людьми.

Населеніе Средней Азіи тройкое: 1) персидское (иранское, арийское) нынѣшніе сарты, 2) туранское (тюркское): узбеки, кипчаки, бухарцы, киргизы, турмены и 3) евреи *).

Среднеазиатскіе кустари принадлежатъ къ осѣдлому и къ кочевому населенію края. Осѣдлыми кустарями являются сарты и бухарскіе евреи кочевыми — киргизы, кипчаки, узбеки и туркмены. Осѣдлые сарты болѣе всего склонны къ обработкѣ земли, къ садоводству и огородничеству. Другое любимое занятіе сарта — торгашество. Что же касается ремеслъ, то, хотя они и очень распространены среди туземцевъ, тѣмъ не менѣе, каждый сартъ охотно оставляетъ свое ремесло и переходитъ къ занятію торговлею.

Привязанность сартовъ къ земледѣлію объясняется тѣми взглядами, какіе установила религія мусульманъ на подобный трудъ. Въ шаріатѣ упоминается, между прочимъ, что земледѣльцы, живущіе исключительно земледѣліемъ и лично обрабатывающіе землю, при условіи исполненія

*) Настоящій очеркъ составленъ на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ сочиненій: Очеркъ къ каталогу картинъ В. Верещагина, составленный генераломъ Гейнсомъ въ 1874 г. Досуги въ Туркестанѣ Г. А. Арндаренко 1874 — 1889 г. Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы. В. и М. Наливкиныхъ 1886 г. Отчеты о выставкахъ въ Ташкентѣ 1886 — 1890 годовъ. Мелкія статьи Краузе и другихъ, собранныя въ публичной бібліотекѣ въ Ташкентѣ.

ими нравственныхъ заповѣдей, лежащихъ на пахарѣ, и аккуратнаго взноса установленныхъ исламомъ податей, именуются „благороднѣйшими изъ благородныхъ“, при чемъ въ сборищахъ—засѣданіяхъ они имѣютъ право сидѣть по правую руку султана, рядомъ съ учеными и судьями, тогда какъ всѣ вообще чины административные и военные помѣщаются по лѣвую руку своего повелителя. Въ силу такихъ вѣрованій, каждый сартъ придерживается, по возможности, занятій земледѣіемъ, и если у него не достаетъ доходовъ для содержанія своего семейства отъ собственного участка земли, весьма часто не превышающаго $\frac{1}{4}$ танана (тананъ — 400 кв. саж.), онъ беретъ въ аренду землю у болѣе зажиточнаго сосѣда, или же поступаетъ временно въ работники. Даже многіе купцы, торгующіе на значительныя суммы, и тѣ удерживаютъ за собою свои участки земли, и употребляютъ на увеличеніе ихъ часть доходовъ отъ коммерческихъ оборотовъ. И надо отдать справедливость сарту, что для каждаго посѣва онъ приготовляетъ землю и разрыхляетъ ее такъ тщательно, что она пріобрѣтаетъ видъ просѣяннаго порошка. Работаетъ же туземецъ совершенно своеобразно, употребляя для этого особыя орудія, приспособленныя, какъ для почвы края, такъ и для силъ самаго работника. Отбившіеся по чему либо отъ земли жители кишлаковъ переходятъ къ занятію мелкимъ торгомъ; при этомъ они торгуютъ и барышничаютъ чѣмъ попало: перепродаютъ лошадей и другой скотъ, небольшія количества зерна, бумажныя матеріи, ситецъ, кумачъ, какія нибудь пуговицы, зеркальца, тесемки, фрукты и т. п. Встрѣчаются между торговцами и коммерсантами, ведущіе крупныя обороты съ хлѣбомъ, съ перепродажей барановъ или берущіе на себя разные подряды и поставки для казны. Всякія коммерческія сдѣлки обставляются у сартовъ своеобразными формальностями — внимательствомъ разныхъ свидѣтелей, требуемыхъ мусульманскими законами.

Что касается ремесленныхъ занятій, то они развиты до чрезвычайности среди сартовъ. Не смотря на это, есть данныя на то, что ремесленники не всегда пользовались полной свободой въ способахъ производства той или иной работы. Такъ, у мусульманъ есть книга „Кассаси-эль-Анбія“ (житіе пророковъ), въ которой описывается 32 ремесленныхъ цеха или промысла. Каждый изъ этихъ промысловъ имѣетъ письменное преданіе, дающее сказочныя свѣдѣнія о его, почти всегда божественномъ происхожденіи и преподаются молитвы, указанія и совѣты, необходимыя при производствѣ ремесла. Въ былое время

блюстителі благочестія („кази-раиса“) съ палкою въ рукахъ наблюдали, между прочимъ, за исполненіемъ работы извѣстными орудіями. Такое стѣсненіе ремесленныхъ занятій, въ связи съ бытовыми и климатическими условіями, имѣло несомнѣнно большое вліяніе на то положеніе мелкой промышленности, въ какомъ мы ее застаемъ еще въ настоящее время.

Помимо этого и самое физическое строеніе сартовъ весьма ярко отражается на приѣмахъ ихъ въ работѣ. Сарты вообще малосильны, что не мѣшаетъ имъ быть, однако, очень выносливыми. Ъдятъ они вообще мало и плохо. Немудрено, что при плохомъ питаніи, крайнихъ жарахъ лѣтомъ и стужѣ зимой, сартъ не можетъ обладать значительной физической силой, а потому и орудія его работы всѣ устроены такъ, чтобы не требовалось, при употребленіи ихъ, особеннаго напряженія силы. Въ производствѣ различныхъ издѣлій наблюдается тотъ же фактъ. Такъ, напримѣръ, для оттачиванія стальныхъ и желѣзныхъ предметовъ употребляется деревянный кругъ, ребро котораго наведено твердымъ составомъ. Кругъ этотъ насаженъ на конецъ желѣзной оси, упирающейся другимъ концомъ въ стойку. Работаютъ за этимъ станкомъ два сарта, сидя другъ противъ друга на полу. Одинъ изъ нихъ оттачиваетъ ножъ, топоръ или другой предметъ, прикладывая его къ ребру круга; другой — приводитъ въ движеніе этотъ кругъ ремнемъ, навороченнымъ раза два на оси, дергая то за одинъ конецъ ремня, то за другой. Для накаливанія желѣза при ковкѣ, употребляется особый мѣхъ, лежащій на полу рядомъ съ мастеромъ, сидящимъ тутъ же; мастеръ приводитъ мѣхъ въ движеніе, слегка надавливая лѣвой рукой, правой же подкладываетъ желѣзо въ огонь. Разныя токарныя вещи, даже большія балясины для сартскихъ кроватей, вытачиваются на маленькихъ станкахъ, приводимыхъ въ движеніе сидящимъ на полу мастеромъ. Любопытно также раздѣленіе труда, существующее въ приготовленіи основы для шелковыхъ тканей, при чемъ самую легкую работу, мастера имѣютъ обыкновеніе дробить до безконечности.

Не останавливаясь здѣсь на перечисленіи различныхъ примѣровъ врождѣ указанныхъ нами, добавимъ лишь то, что сарты вообще не склонны къ усидчивому труду. Проработавъ дня два — три, они непременно отдыхаютъ. Поэтому свѣжаго человѣка особенно поражаетъ масса празднаго люда, встрѣчаемаго на всѣхъ улицахъ въ сартской части средне-азіатскихъ городовъ.

Привычка тратить время по-пусту на базарахъ, улицахъ и т. п. мѣ-

стахъ вошла настолькоъ въ плоть и кровь туземцевъ, что она вовсе не является предосудительною. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить отношенія рабочихъ къ хозяевамъ въ мастерскихъ. Мнѣ пришлось посѣтить въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и Бухарѣ шелкомотальни, красильни, сновальни и ткацкія мастерскія, гдѣ готовились лучшія шелковыя матеріи, бархаты, а также и болѣе простыя матеріи и мелкія издѣлія, какъ то платки и шарфы. Осматривая работу, я старалась познакомиться также и съ условіями производства ея и съ отношеніями хозяевъ къ рабочимъ и обратно. При этомъ выяснилось, что вся работа ведется сдѣльно; каждому работнику предоставляется полная свобода приходитъ въ мастерскую, когда ему вздумается. Онъ можетъ работать цѣлый день, или полдня, а иногда и вовсе не являться. За это не только не полагается никакого взысканія, хотя изготовленіе матеріи и затягивается, но отлучка работника не порождаетъ даже и неудовольствія между хозяиномъ и мастерами, потому что и самъ хозяинъ проводитъ большую часть времени въ сидѣннѣ на короточкахъ и куреннѣ кальяна въ мастерской или гдѣ нибудь въ чай-ханѣ.

При всемъ этомъ нельзя не отдать сартамъ справедливости въ томъ, что они въ высшей степени способны исполнять всякую работу. Русскіе инженеры не нахвалятся ими, какъ рабочими: присмотрѣвшись къ русскимъ каменщикамъ, выписаннымъ для разныхъ работъ, сарты въ настоящее время, примѣнились къ требованіямъ, строятъ и возводятъ постройки прекрасно и дешевле русскихъ рабочихъ. Въ портняжномъ и сапожномъ дѣлѣ сарты обзавелись во многихъ мѣстахъ швейными машинами и мастерски справляются съ ними.

Въ былое время среднеазіятскій житель покупалъ массу сундуковъ разныхъ размѣровъ у русскихъ, привозившихъ эти издѣлія изъ Пермской губерніи. Теперь такіе же сундуки дѣлаются сартами. Вообще, все, что сартъ видитъ, онъ можетъ перенять, не исключая даже кулинарнаго искусства, къ которому онъ очень склоненъ, и которое онъ очень скоро и хорошо усваиваетъ себѣ. При этомъ весьма замѣчательно и то еще, что сарты цѣнятъ до сихъ поръ свой трудъ настолькоъ дешево, что все то, что они производятъ, перенимая у русскихъ, стоитъ у нихъ дешевле. Вслѣдствіе этого русскимъ конкурировать съ туземцами становится все труднѣе и труднѣе.

Отношеніе сартовъ къ своему труду, а, слѣдовательно, и къ заработку находится въ прямой зависимости отъ бытовыхъ условій и малыхъ требованій туземца отъ жизни. Ихъ глинобитныя сакли тѣсны,

грязны, пропитаны зловоннымъ запахомъ кунжутнаго масла. У бѣдныхъ людей въ жилищѣ помѣщеніи не имѣется даже оконъ; свѣтъ проникаетъ чрезъ отверстіе, продѣланное въ крышѣ, и чрезъ крошечную одностворчатую дверь; полъ застилается не сплошь, а только частью простой кошмой, на которой спитъ вся семья въ повалку. Гдѣ семья зажиточнѣе, тамъ, конечно, и комнатъ больше и убранство лучше. Не смотря, однако, на разницу въ убранствѣ жилья у богатыхъ и бѣдныхъ сартовъ, домашній обиходъ ихъ мало отличается. Какъ тѣ, такъ и другіе одѣваются грязно и ѣдятъ плохо. Женщина - сартянка является въ домашнемъ быту хозяйкой и работницей, поскольку это допускается мусульманской религіей. Ихъ никогда не приневоливаютъ къ работѣ, и потому онѣ принимаютъ вообще весьма малое участіе въ занятіяхъ своихъ мужей, особенно въ тяжелыхъ работахъ по земледѣлію. Въ бѣдныхъ семьяхъ жены готовятъ пищу, ходятъ за скотомъ, обшиваютъ себя и свою семью, очищаютъ хлопокъ, прядутъ нитку для тканья маты, употребляемой на одѣяла и платье; иногда вышиваютъ тюбетейки и шьютъ халаты для продажи и занимаются выкармливаніемъ шелкопряда. Вообще, большая часть работъ, производимыхъ женщинами въ домашнемъ быту, исполняется очень неудовлетворительно: лучшія вышитыя издѣлія дѣлаются мужчинами; они же производятъ всѣ тканья работы—шелковыя и бумажныя матеріи.

Нравственный обликъ мѣстнаго сарта производитъ весьма различное впечатлѣніе. Но, вообще говоря, среди туземнаго населенія Туркестанскаго края, между прочимъ, ярко бросается въ глаза одна характерная черта—практичность сартовъ. Тамъ, гдѣ сартъ можетъ заработать лишнюю копѣйку, онъ не остановится ни передъ религіозными правилами, ни передъ обычаями. Этотъ же практическій смыслъ побудилъ сартовъ перенять у русскихъ новыя способы садоводства и огородничества и подражать имъ и въ другихъ пріемахъ при различныхъ работахъ. Стоитъ имъ, впрочемъ, убѣдиться въ малой практичности избраннаго пути и они тотчасъ же возвращаются къ своимъ привычкамъ и относятся съ крайнимъ пренебреженіемъ ко всему русскому.

Для дополненія характеристики сартскаго населенія, остается сказать нѣсколько словъ объ его образованіи. Мѣстныя мусульманскія школы дѣлятся на низшія и высшія; онѣ не составляютъ учрежденія вполне государственнаго, а всегда содержатся на средства частной благотворительности. О вліяніи школы на умственное развитіе сартовъ имѣются

слѣдующія подробности въ рѣчи, произнесенной въ 1889 году на актѣ въ учительской семинаріи въ Ташкентѣ преподавателемъ сартскаго языка, г-мъ Наливкинымъ, изучившимъ основательно бытъ туземцевъ: „Не смотря на громадное количество школъ, въ которыхъ туземцы проводятъ многіе годы, среди сартовъ встрѣчается поражающее число лицъ неграмотныхъ. Это объясняется, какъ внутренними свойствами низшей школы «актаба», такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что званія, выносимыя изъ нея, представляются почти непримѣнимыми въ сферѣ обыкновенной жизни, а потому съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ служить лишь какъ подготовительный курсъ для поступленія въ высшую школу, «медресэ», куда попадаетъ сравнительно ничтожная часть бывшихъ школьниковъ. Большинство остальныхъ, вернувшись къ обычнымъ занятіямъ отцовъ, не находятъ занимательнымъ для себя механически перечитывать давно опостылѣвшаго Хафиза или Бидыля, забываетъ тѣ скудныя начатки грамотности, вынесенныя изъ «мактаба» и мало-по-малу возвращается въ первобытное состояніе. Совершается это тѣмъ легче, что доступныхъ для своего пониманія книгъ на родномъ языкѣ сарты не находятъ ни въ частныхъ библіотекахъ, ни въ лавкахъ на базарахъ. Что же касается немногихъ учениковъ высшей школы «медресэ», то и они пріобрѣтаютъ весьма своеобразныя знанія, проходя опредѣленныя 3—4 книги на арабскомъ языкѣ, при чемъ прохожденіе книгъ въ «медресэ» изъ механическаго становится объяснительнымъ. Здѣсь ученики знакомятся также съ персидскимъ языкомъ путемъ объяснительнаго чтенія, пріобрѣтаютъ умѣнье излагать свою мысль письменно на тюркскомъ и персидскомъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже и на арабскомъ языкѣ, привычку резонерствовать, усвоенную ими во время прохожденія такихъ книгъ, какъ «мантыкъ» (ученіе о логикѣ), или при ознакомленіи съ персидскими поэтами метафизическаго направленія и, наконецъ, вырабатываютъ въ себѣ склонность къ казуистикѣ и крючкотворству, почти обязательно усваиваемыми при изученіи шаріата. Таково то умственное достояніе, какое пріобрѣтается въ стѣнахъ „медресэ“ даже при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Далеко не рѣдки случаи, когда образованный по своему туземецъ очень безграмотно пишетъ на своемъ родномъ языкѣ, чему имѣются двѣ главныя причины: 1) грамматически изучается одинъ только арабскій языкъ, ибо руководство по части грамматики персидскаго и сартскаго языковъ не имѣется, и оба послѣдніе изучаются только практически, а 2) не менѣе важная—пренебрежительныя отношенія сартовъ къ своему родному

языку, по поговоркѣ: „арабскій языкъ святыня; персидскій — гадость; тюркскій — нечистъ“. Возвращаясь къ скудости знаній, даваемыхъ даже высшей туземной школой, замѣтимъ, что это зло было бы поправимо въ томъ случаѣ, если бы эти пробѣлы могли впослѣдствіи заполняться путемъ самостоятельнаго черпанія знаній изъ мѣстной литературы; но послѣдняя совершенно безсильна помочь этому горю, ибо не заключаетъ въ себѣ и тѣни того, что мы называемъ научными свѣдѣніями. Наиболѣе богатымъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать отдѣлъ историческій, такъ какъ на персидскомъ языкѣ, а отчасти даже на сартскомъ, есть сочиненія достаточно солидныя, по крайней мѣрѣ по исторіи востока; на бѣду, исторію здѣсь никто почти не признаетъ за науку. Географіи съ нашей точки зрѣнія не существуетъ. Медицина въ положеніи еще болѣе плачевномъ, но зато процвѣтаетъ астрономія“.

„Такова далеко невеселая картина мѣстной умственной жизни“, говоритъ въ заключеніе своей рѣчи г-нъ Наливкинъ, „картина того почти безпросвѣтнаго мрака, разсѣвать который призываютъ насъ политическія судьбы нашего отечества“.

Къ этому очерку умственнаго развитія и образованія туземнаго населенія намъ остается добавить нѣсколько словъ объ образованіи женщинъ. Дѣвочки-сартянки тоже обучаются грамотѣ, или у себя на дому, или въ школѣ. Ученіемъ занимаются учительницы. Посѣщая нѣкоторыя школы въ Ташкентѣ, я видѣла только мальчиковъ, и потому обратилась съ вопросомъ къ одному изъ присутствовавшихъ при этомъ почетныхъ попечителей, и просила пояснить мнѣ, въ какомъ положеніи находится женское образованіе среди сартовъ?—Онъ отвѣчалъ, что дѣвочки тоже посѣщаютъ школы, но немного; въ школѣ онѣ пріобрѣтаютъ только умѣнье читать и писать, что большей учености для женщинъ въ ихъ быту не требуется, и что такъ будетъ поспокойнѣе; что кромѣ школы, все что дѣвочкѣ нужно знать, она пріобрѣтаетъ въ домашнемъ быту, гдѣ на обязанности матери лежитъ забота объ ея воспитаніи и образованіи.

Вообще въ туземныхъ школахъ не обучаютъ ровно никакимъ ремесламъ. Какъ мальчики, такъ и дѣвочки пріобрѣтаютъ всѣ подобныя знанія дома отъ родителей, участвуя съ ними по мѣрѣ силъ въ домашнихъ работахъ. Такими способами, т. е. отъ родителей къ дѣтямъ, переходятъ и всѣ промысловыя занятія, создавшія громадную мелкую промышленность въ краѣ. Къ обзору ея мы и перейдемъ теперь.

Г-нъ Краузе, вице-призидентъ Императорскаго російскаго общества садоводства, завѣдывавшій кустарнымъ отдѣломъ на Ташкентской выставкѣ и очень основательно знакомый съ Туркестаномъ, предпослалъ каталогу отдѣла нижеслѣдующую характеристику мелкой промышленности: Особенностью Туркестанской промышленности является исключительное развитіе кустарныхъ промысловъ. Историческія условія жизни туземцевъ обуславливали общій застой въ духовной жизни всего населенія, подчиненнаго деспотической силѣ прежнихъ хановъ, бековъ, кушбегі и вообще всему административному строю мусульманскаго государства. Каждый изъ подданныхъ долженъ былъ жить и работать подъ непосредственнымъ наблюденіемъ хищнаго ока различныхъ органовъ ханскаго режима, ежеминутно рискуя испытать на себѣ право сильного, если этому послѣднему имѣли несчастье приглянуться продукты труда какого нибудь производителя. Кромѣ того, вѣчные раздоры владѣтельныхъ хановъ превращали всю территорію современныхъ средне-азиатскихъ русскихъ владѣній въ постоянную арену военныхъ дѣйствій. Пахарь, мастеровой и купецъ не имѣли твердой увѣренности въ благополучіи завтрашняго дня, а потому очевидно не вели своихъ операцій въ широкомъ размѣрѣ, находясь подъ страхомъ быть разоренными ордою восторжествовавшаго владѣтеля. Поэтому каждый изъ нихъ старательно скрывалъ цифру своего достатка и старался вести свои дѣла такъ, чтобы они не поражали глазъ администраціи ни обширностью замысла, ни выгодностью предпріятія. При такихъ условіяхъ, развитіе той или другой отрасли промышленности не входило въ интересы предпринимателя, и каждый мастеръ за свой личный счетъ выдѣлывалъ вещи присущія его ремеслу, только въ крайнемъ случаѣ прибѣгая къ помощи наемной силы, чтобы не бросаться въ глаза размѣрами своего производства. У порога, наскоро сколоченныхъ саклишекъ, на глазахъ проходящей публики, выдѣлывали мастера свои издѣлія, располагаясь цѣлыми улицами въ каждомъ болѣе или менѣе населенномъ городѣ или кишлакѣ. Изолированный отъ культурныхъ странъ туземный ремесленникъ не могъ слѣдить за успѣхами развитія техники и, приспособляясь къ специфическимъ условіямъ родины, изобрѣталъ собственныя своеобразныя орудія труда и съ помощью ихъ, въ зависимости отъ личныхъ способностей, проявлялъ свое умѣніе, изобрѣтательность и ловкость въ томъ или другомъ ремеслѣ. Какъ ни мало совершенны выходили издѣлія туземца все же они имѣли, да и теперь имѣютъ громадный, спросъ въ средѣ

осѣдлаго и кочеваго населенія и цѣлыя тысячи ремесленниковъ кустарей кормятся трудами рукъ своихъ и въ данное время».

Эта интересная характеристика совершенно вѣрно передаетъ основанія, послужившія къ сохраненію въ кустарной промышленности самыхъ мелкихъ производствъ. И, въ настоящее время, не смотря на полную безопасность для мѣстнаго сарта въ изготовленіи тѣхъ или иныхъ предметовъ въ большемъ количествѣ, кустари-туземцы остаются при первобытныхъ своихъ пріемахъ въ ремесленномъ трудѣ.

Мѣстная кустарная промышленность является либо подспорьемъ при сельскомъ хозяйствѣ туземцевъ, либо главнымъ занятіемъ, доставляющимъ городскимъ жителямъ средства къ существованію. Къ числу подсобныхъ занятій въ кишлакахъ относятся: тканье маты, калями и другихъ бумажныхъ матерій; приготовленіе войлоковъ, витье аркановъ и тканье грубыхъ шерстяныхъ матерій; очистка хлопка отъ коробочекъ и зеренъ и пряжа нитокъ, шелководство, выгонка льнянаго или кунжутнаго масла; собираніе осенью и зимой, въ свободное время отъ полевыхъ работъ, степныхъ сорныхъ травъ и кустарниковъ на топливо и продажа ихъ на ближайшихъ базарахъ; извозъ; поденщина въ сосѣднихъ городахъ и большихъ селеніяхъ и мѣстами рыболовство, которое, вообще, впрочемъ, очень мало распространено. Среди ремесленниковъ городскихъ и въ большихъ кишлакахъ развиты: тканье бумажныхъ, полуселковыхъ и шелковыхъ матерій, выдѣлка кожъ, тисненіе кожъ для переплетовъ, приготовленіе обуви, скорняжная работа, гончарное, кузнечное, ножевое, сѣдельное, шорное производства, красильное, приготовленіе мѣдной посуды, литье чугуна, выдѣлка серебряныхъ и золотыхъ украшеній, токарное дѣло, приготовленіе арбъ, плуговъ, вилъ и лопатъ, вывариваніе смолы изъ нефти, обжиганіе древеснаго угля, изготовленіе камышевыхъ и соломенныхъ плетеновъ и чаіевъ (родъ ширмъ), издѣлія изъ бирюзы, чеканные предметы изъ бронзы и желѣза, слесарныя работы, проволочныя и жестяныя издѣлія, изготовленіе мыла и салныхъ свѣчей, рѣзьба по дереву, разрисовка деревянной посуды и мебели, ганчевыя (гипсовыя) лѣпныя работы, сундуки, калянны, деревянные издѣлія: корыта, сита, сартскія, кровати ткацкіе станки, станки для очистки ваты, размотки нитокъ, рѣзки клевера, сѣяльныя доски, фонари, игрушки — словомъ, всѣ предметы домашняго обихода и все, что требуется для производства промышленныхъ и сельскихъ работъ.

Выше было указано на то, что всѣ промышленники занимаются

своимъ ремесломъ лично у себя на дому, или же на базарѣ. При этомъ заработокъ сартовъ зависитъ преимущественно отъ обрабатываемаго имъ матеріала и специальности мастера. Кузнецы получаютъ чистаго заработка въ день отъ 40 до 60 коп.; ткачъ шелковыхъ матерій простыхъ—отъ 20 до 40 к.; ткачъ бархата получаетъ высшій заработокъ 80 к., мастеръ изготовляющій основу для тканья шелковыхъ матерій, зарабатываетъ 40 к.; ткачъ бумажныхъ матерій отъ 15 до 30 к.; кожевникъ отъ 40 до 70 коп. и т. п.

При наймѣ подмастерьевъ хозяева входятъ въ особыя соглашенія и нанимаютъ ихъ сдѣльно или отъ базара до базара, т. е. понедѣльно, а иногда и помѣсячно. Въ ремесленномъ дѣлѣ, чаще всего встрѣчается сдѣльная работа; въ сельскомъ хозяйствѣ — болѣе работа на срокъ. Въ первомъ случаѣ хозяинъ не заботится о продовольствіи наемнаго рабочаго, а во второмъ—содержитъ его, при чемъ старается тратить на него какъ можно меньше, вслѣдствіе присущей сартамъ скупости. Расплата съ рабочими происходитъ не всегда согласно договору; хозяева часто стараются прижать работника. Въ общемъ, наемные рабочіе, особенно въ кишлакахъ, получаютъ въ день, въ среднемъ, отъ 10 до 20 коп.; въ городахъ поденный заработокъ возвышается до 40 к.

Не смотря на такую дешевизну мужскаго труда, послѣдній могъ бы дать мастерамъ и поденщикамъ сартамъ въ годовой сложности почти то же, что получаютъ наши кустари, т. е. отъ 25 до 90 руб., потому что у туземцевъ насчитывается не свыше 60 праздничныхъ дней въ году; слѣдовательно, у нихъ выходитъ 305 рабочихъ дней, между тѣмъ какъ у нашихъ кустарей число это колеблется, согласно роду занятій, между 180 и 260 рабочими днями. При воздѣлываніи земли сарты вынуждены усиленно работать, чтобы не пропустить сроковъ посѣвовъ, поливовъ и сбора хлѣба или хлопка, такъ какъ всякое упущеніе, при условіяхъ мѣстной растительности, слишкомъ сильно отзывается на благосостояніи владѣльцевъ земли. Но при кустарныхъ и ремесленныхъ занятіяхъ у туземцевъ, какъ это было указано выше, является кромѣ праздниковъ столько прогульныхъ дней, что заработокъ ихъ сильно понижается. Къ тому же, вслѣдствіе плохого устройства жилыхъ помѣщеній, гдѣ окна остаются не задѣланными стекломъ и только иногда заклеиваются простой бумагой и гдѣ отопленіе производится посредствомъ каминовъ, въ сакляхъ зимою бываетъ до того холодно, что работать становится невозможно. Невольныя остановки работъ во время зимнихъ стужъ и пристрастіе

сартовъ къ развлеченіямъ на базарахъ, понижая годовой заработокъ кустарей, вліяютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на количество кустарныхъ издѣлій, изготовляемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ.

Работаютъ сарты прямо на продажу, доставляя свои произведенія на базары, иногда же исполняютъ заказы. Весьма часто отдѣльные мастера, занимающіеся однимъ и тѣмъ же производствомъ, избираютъ изъ своей среды старшину, исполняющаго обязанности маклера. Такой старшина отыскиваетъ работу, беретъ на себя разныя порученія и поручительства, за что и получаетъ, при заключеніи условій и при расчетахъ, нѣкоторое денежное вознагражденіе.

Выше мы имѣли случай упомянуть о занятіяхъ женскаго сартскаго населенія. Здѣсь же нѣсколько долѣ остановимся на тѣхъ работахъ, которыя составляютъ главное подспорье въ хозяйствѣ, какъ киплачныхъ, такъ и городскихъ обитательницъ. Такими работами являются: очистка хлопка отъ коробочекъ и сѣмянъ, пряденіе нитокъ для шитья и пряжи для тканья маты (бумажной матеріи) и выкармливаніе шелкопряда.

Такъ какъ хлопководство вообще сильно распространено въ Средней Азіи, то женщины въ киплакахъ обрабатываютъ, большею частью, собственный хлопокъ. Въ городахъ же запасаются хлопкомъ въ коробочкахъ на базарахъ. Цѣна на сырой матеріалъ мѣняется, смотря по урожаю и по требованію на него; поэтому ничего точно опредѣленнаго въ этомъ отношеніи я не могла узнать. За то относительно количества сыраго матеріала, какое каждая сартянка можетъ переработать у себя дома, мы находимъ самыя положительныя данныя въ книгѣ В. и М. Наливкиныхъ, на которую указано было раньше. Подобныя же свѣдѣнія я получила при личномъ знакомствѣ съ разными производствами въ Самаркандѣ. Оказывается, что при очисткѣ хлопчатника, ваты по вѣсу получается всего $\frac{1}{4}$ даннаго количества; половина общаго вѣса приходится на сѣмена, и четверть на коробочки. Очистка хлопка отъ коробочекъ производится руками, а отъ сѣмянъ,—помощью деревяннаго прибора, состоящаго изъ двухъ валиковъ, вращающихся на встрѣчу другъ другу. Валики эти снабжены спиральными нарѣзками. Вата, разложенная на кускѣ маты или ситца, втягивается валиками, приводимыми въ движеніе рукояткой, и, проходя между ними, отдѣляется отъ сѣмянъ. Прежде чѣмъ очищать хлопокъ отъ сѣмянъ, его тщательно просушиваютъ на солнцѣ. Въ теченіи недѣли, т. е. шести дней, одна сартянка можетъ очистить, въ среднемъ, около

2-хъ пудовъ 25 ф. коробочекъ. Изъ этого количества получается 26 ф. ваты, 52 ф. сѣмени и 27 ф. коробочекъ. Въ работѣ, при очисткѣ хлопка отъ коробочекъ, принимаютъ участіе также и дѣти. Въ недѣлю заработокъ женщины, имѣющей дома помощниковъ, можетъ доходить до 1 р. 50 к. Занимаясь же одна, сартянка не получить такого заработка, какъ бы она усидчиво не трудилась, тѣмъ болѣе, что отъ постоянного поворачиванія рукоятки очистительнаго аппарата, рука и плечо работницы сильно нѣмѣютъ.

Очищенный хлопокъ идетъ на одѣяла и халаты; большая же часть его скупается торговцами по мелочамъ на базарахъ и вывозится въ Россію.

Для пряденія нитокъ отбирается хлопокъ лучший, т. е. болѣе бѣлый по цвѣту. Его предварительно перебиваютъ тщательнo тонкими тростинками, вытягиваютъ въ пласты $\frac{1}{4}$ арш. ширины, около пальца толщины и въ нѣсколько аршинъ длины. Пласты эти сворачиваютъ валиками; отъ послѣднихъ отрываютъ куски и, свернувъ ихъ въ маленькіе цилиндрики, приступаютъ къ пряденію посредствомъ маленькой простой прялки. Пряжею хлопка женщина можетъ заработать въ недѣлю отъ 40 до 80 коп. Все количество нитокъ, изготовленное въ теченіи 6 дней, продается, большею частью, на слѣдующемъ же базарѣ, такъ какъ бѣдныя семьи, нуждаясь постоянно въ разныхъ припасахъ, тутъ же на базарѣ запасаются всѣмъ необходимымъ, благо здѣсь можно имѣть все гораздо дешевле чѣмъ въ мелочныхъ лавкахъ. Въ холодныя зимы очистка хлопка, а главнымъ образомъ пряденіе нитокъ, приостанавливается, потому, что и хлопка сушить негдѣ, да и большинство помѣщеній настолько холодны, что работать въ нихъ становится почти невозможно.

Кромѣ того, по причинѣ стужи въ сакляхъ, всѣ ткачи оставляютъ свою работу зимою; нитки на базарахъ поэтому не требуются и цѣна на нихъ такъ падаетъ, что равняется почти стоимости неочищеннаго хлопка.

Другое занятіе сартянокъ, при томъ самое любимое, заключается въ выкармливаніи шелковичнаго червя. Почти въ каждой семьѣ сартовъ, хранятся отъ весны до весны мѣшечки съ греной, потому что, какъ въ кишлакахъ, такъ и въ городахъ, шелководство является самымъ доходнымъ занятіемъ женщинъ. Въ мартѣ, какъ только появятся почки на тутовыхъ деревьяхъ, женщины достаютъ мѣшечки, тщательно сохраняемые гдѣ нибудь въ комнатѣ, и, подвѣсивая ихъ себѣ подъ мышки подъ грудь или у пояса, теплотою тѣла оживляютъ греноу. Дней черезъ

15—20 появляются черви; их выкладываютъ въ небольшую корзинку, выложенную тряпкой, и прикрываютъ сверху тонкимъ ватнымъ одѣяломъ, или чѣмъ либо другимъ, чтобы защитить молодыхъ червей отъ колебаній температуры, отъ муравьевъ и воробьевъ. Въ это время молодые листья покрываютъ тутовые деревья, и начинается усиленная забота о кормленіи червей. Такъ какъ у городскихъ жителей, и даже у кшпачныхъ, не всегда имѣются собственныя посадки тутовыхъ деревьевъ, то ко времени выкармливанія шелкопряда на базаръ привозятъ листья шелковицы. Торговля туюй устанавливается самая бойкая и цѣна на листья повышается до того, что иногда занятіе шелководствомъ не приноситъ почти никакихъ выгодъ. Обыкновенно на мужьяхъ лежитъ обязанность доставлять женамъ все потребное количество корма для шелкопряда. Иногда же устраиваются компаніи: владѣлецъ большой плантаціи тутовыхъ деревьевъ даетъ листья и половину всего количества грены; другая сторона—другую половину грены и уходъ за червями полученные коконы дѣлятся пополамъ. Въ началѣ мая, когда коконы готовы, базары переполняются ими. Каждый обладатель нѣсколькихъ фунтовъ коконовъ спѣшитъ ихъ сбыть, пока они не слишкомъ высохли, потому что тогда вѣсъ ихъ значительное. Цѣна грены, продаваемой на базарахъ, весьма различна. Золотникъ мѣстной грены продается коп. по 20, а привозная доходитъ до 50 коп. и дороже. Изъ одного золотника грены выходитъ отъ 5 до 8 фунтовъ коконовъ. Смотря по качеству коконовъ и требованію на нихъ, устанавливается и цѣна на базарѣ. Лучшими считаются коконы небольшие, но твердые, не поддающіеся нажиманію руки; плохими—коконы большіе, рыхлые, легко вбирающіе въ себя воду при разматываніи, и потому затрудняющіе работу и дающіе значительный $\frac{0}{100}$ отброса.

Стоимость 1 фунта коконовъ колеблется между 10 и $22\frac{1}{2}$ коп. Такимъ образомъ, затративъ на покупку 1-го золотника мѣстной грены 20 коп., сартянка, имѣя собственный кормъ для шелкопряда, можетъ получить при худшихъ обстоятельствахъ 50 коп., а при полной удачѣ до 83 коп. валоваго дохода. Въ очистку же ей останется отъ 30 до 63 коп. на каждомъ золотникѣ, что составляетъ порядочный $\frac{0}{100}$ на затрачиваемый капиталъ.

Не смотря на то, что шелководство водворилось въ Средней Азій со временъ самыхъ отдаленныхъ, сартянки и до сихъ поръ ограничиваются лишь выкармливаніемъ шелкопряда. Даже и тѣ коконы, шелкъ которыхъ предназначается для домашняго употребленія, отдаются для раз-

мотки извѣстнымъ мастерамъ, составляющимъ особый цехъ. Вообще, ознакомясь съ положеніемъ шелководства въ краѣ, нельзя не придти къ заключенію, что сартское населеніе не только въ Туркестанѣ, но и въ Бухарѣ осталось, при самыхъ первобытныхъ способахъ воспитанія шелкопряда. Выводятъ червей сарты въ своихъ душевыхъ сакляхъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что шелкопрядъ требуетъ опрятности и тщательнаго ухода. Кромѣ этого, множество предразсудковъ сопровождается выкармливаніемъ червя.

Ознакомившись такимъ образомъ съ промышленной дѣятельностью осѣдлаго сарта, мы видимъ, что онъ въ приемахъ своихъ недалеко ушелъ впередъ. Всѣ ремесленныя его занятія направлены исключительно къ удовлетворенію личныхъ нуждъ и согласуются съ его понятіями и обычаями, нисколько не измѣнившимися вслѣдствіе водворенія русскихъ въ краѣ уже въ теченіе 25 лѣтъ.

До сихъ поръ мы занимались кустаремъ-сартомъ, осѣдлымъ жителемъ Средней Азіи. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на дѣятельность кочевника, принадлежащаго къ тюркскому племени, главнаго производителя сырья—шкуръ, кожъ, смушекъ, шерсти, сала и т. п. Знакомство съ положеніемъ кочевника представляетъ нѣкоторый интересъ въ виду того, что производимые имъ продукты должны удовлетворять насущнѣйшимъ потребностямъ всего мѣстнаго населенія. И въ самомъ дѣлѣ, вся пища среднеазиатскаго обитателя готовится на бараньемъ салѣ; для него же необходима кожанная обувь, кошмы, мѣстная армячина, разныя коженныя и шерстяныя принадлежности для выюковъ и кибитокъ, ковры, бараньи шапки и т. д. Кромѣ того, и для всего пришлаго населенія — для переселенцевъ и для нашихъ войскъ все сырье, производимое кочевникомъ, имѣетъ большое значеніе, не говоря уже о томъ, что и въ торговыхъ сношеніяхъ съ европейской Россіей среднеазиатское сало, шерсть, кожи, смушки и проч. занимаютъ не послѣднее мѣсто.

По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1880 году, киргизы составляли болѣе 75% всего кочеваго населенія въ Туркестанскомъ краѣ. Васильевъ, авторъ изслѣдованія «Кочевники Туркестана», слѣд. образомъ характеризуетъ киргизовъ: «во всѣхъ сношеніяхъ съ киргизомъ, и дѣловыхъ и обиходныхъ, бросается въ глаза его (киргиза) умъ, находчивость, практичность, чувство собственного достоинства и сознаніе своихъ правъ. Онъ стѣсняется вамъ слегка польстить, когда находитъ это полезнымъ, но отнюдь не до самоуниженія, какъ то дѣлаетъ зачастую сартъ.

«Кромѣ того, какъ работникъ на заводахъ, киргизъ, въ короткое время, усваиваетъ всѣ приемы мастера, быстро пріобрѣтаетъ навыкъ, столь цѣнный всегда, и трудится упорно положенные ежедневно часы.

«Лучшая прислуга въ краѣ тоже изъ киргизовъ. Все это дѣлаетъ степняка весьма привлекательнымъ. Одно только въ немъ поражаетъ непріятно: это—нечистота киргиза, неопрятность его платья, какое-то общее запустеніе въ домоводствѣ. Его маленькія дѣти и подростки бѣгаютъ въ аулѣ совершенно нагіе; точно звѣрята: его верблюды, навьюченный капами съ углемъ или снопами камыша, тощъ и ободранъ; собака вѣчно голодна. Мохнатый конь его отъ роду не видалъ скребницы, ни щетки; сѣдло и весь приборъ къ нему—самые первобытные.

«Жилище кочевника — его юрта ужасна. Черная отъ дыма за много лѣтъ, всюду просвѣчивающая, даже зимою, отъ множества дыръ, иногда вмѣсто сплошной кошмы, укрытая тряпками, да плетенкой изъ камыша, эта юрта наводитъ насъ невольно на слѣдующія мысли: грязь и запущенность въ его домоводствѣ составляютъ ли только признакъ первобытной его культуры, унаслѣдованной отъ предковъ, или же они являются естественными слѣдствіями бѣдности, независимо отъ коренныхъ условій быта. Помимо теоретическаго интереса, вопросы эти для насъ русскихъ, имѣютъ чисто практическое значеніе. Не одинъ миллионъ кочевниковъ обитаетъ въ предѣлахъ Азіатской Россіи; миллионы рублей поступаютъ отъ нихъ ежегодно въ наши казначейства, въ видѣ, различныхъ сборовъ; десятками миллионовъ рублей оплачиваются тѣ товары, которые съ давнихъ поръ ежегодно шлетъ въ наши степи Москва, а сама забираетъ здѣсь шерсть, кожи, сало. Стало быть и казна, и торговопромышленный классъ, и людъ фабрично-заводскій близко заинтересованы въ благосостояніи кочевника. Степень же благосостоянія его зависитъ, въ каждое данное время, отъ размѣра его стада, отъ условій сбыта продуктовъ хозяйства, въ обмѣнъ на предметы домашняго обихода, отъ его потребностей и, наконецъ, отъ общаго гражданскаго и экономическаго порядка, въ его странѣ, обеспечивающаго скотоводу такъ или иначе возможность пользоваться плодами его трудовъ».

Первыя по времени свѣдѣнія о количествѣ скота у туркестанскихъ кочевниковъ, даютъ намъ официальные источники, относящіеся къ эпохѣ первоначальнаго устройства туркестанскаго генералъ-губернаторства. Хотя эти свѣдѣнія не могутъ считаться вполне точными, такъ какъ они собирались черезъ посредство волостныхъ управителей изъ тузем-

цевъ, которые, изъ боязни увеличенія государственныхъ податей съ кочевниковъ и по свойственной азіату склонности таиться, показывали цифры скота въ ихъ волостяхъ ниже дѣйствительной.

Тѣмъ не менѣе, количество скота какъ у кочеваго, такъ и у осѣдлаго населенія, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ представляло колоссальное богатство. Такъ, въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской, Зеравшанской и Аму-Дарьинской, составляющихъ нынѣшній Туркестанъ, числилось: до 5.000,000 овецъ, до 300,000 верблюдовъ, до 700,000 лошадей и болѣе 600.000 головъ рогатаго скота. Даже по самой низкой рыночной цѣнѣ, богатство это, выраженное въ деньгахъ, равнялось-бы почти пятидесяти милліонамъ рублей. Если же присоединить къ этой величинѣ ежегодный приплодъ въ стадахъ, количество шерсти, молочныхъ продуктовъ и другихъ доходовъ, получаемыхъ скотовладельцами отъ этихъ животныхъ (напримѣръ, заработокъ отъ транспортированія клади на верблюдахъ), то получимъ весьма крупный капиталъ, составившій достояніе народа въ краѣ.

Что же случилось съ этимъ промысломъ въ послѣдующее время, вплоть до текущихъ дней. Повидимому, всѣ условія для кочевника измѣнились къ лучшему: безпорядки въ краѣ прекратились; каждый получилъ возможность пользоваться плодами своихъ трудовъ; старые счеты между враждовавшими раньше родами были оставлены; торговля сношенія съ Европейской Россіей облегчились и окрѣпли: раны, причиненныя народу кокандскимъ хищничествомъ, за 25 лѣтъ должны были исцѣлиться окончательно, — словомъ, настала пора мирнаго, непрерывнаго процвѣтанія страны.

Показанія многочисленныхъ свидѣтелей, вполне совпадая съ данными официальной статистики, свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ и притомъ—весьма быстромъ упадкѣ скотоводства во всемъ русскомъ Туркестанѣ, какъ въ южныхъ гористыхъ мѣстностяхъ, такъ и въ сѣверной степной полосѣ. Такъ, согласно оффиціальнымъ даннымъ, убыль эта въ 1885 году простиралась свыше 3.500,000 головъ разныхъ домашнихъ животныхъ, при чемъ главная масса потерь приходилась на овцеводство, сократившагося почти до одной трети указаннаго раньше количества.

«Число хозяйствъ скотоводческихъ, говорится въ проектѣ всеподданнѣйшаго отчета генераль-адъютанта К. П. фонъ Кауфмана по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генераль-губернаторства за время съ 7 ноября 1867 года, по 25 марта 1881 года, все болѣе и болѣе сокращается, а кочевка получаетъ ха-

ракторъ аристократическаго промысла, доступнаго лишь для меньшей относительно доли киргизскаго населенія, причемъ масса по нуждѣ обращается къ земледѣлію. Число скотоводовъ уменьшается, путемъ выдѣленія бѣднѣйшихъ кочевниковъ въ возрастающій классъ «игинчей», хлѣбопашцевъ». Игинчи,—это паріи киргизскаго общества. Въ 1877 году, изъ общаго ихъ количества 53,400 семействъ болѣе половины не составляли самостоятельныхъ хозяйствъ, а работали на положеніи батраковъ и половинниковъ».

Всѣ приведенные факты свидѣлствуютъ несомнѣнно о томъ, что общее количество скота въ области за послѣднія 15—20 лѣтъ уменьшилось значительно, при чемъ средняя численность головъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ должна была также нѣсколько понизиться.

Теперь постараемся ознакомиться съ распредѣленіемъ промысловыхъ занятій въ киргизской семьѣ. Въ совершенную противоположность обычаямъ осѣдлыхъ сартовъ, киргизы почти никакого участія въ обработкѣ сырья для тѣхъ или другихъ предметовъ торговли не принимаютъ. Ихъ дѣло—скотоводство, доставленіе извѣстнаго сырья, сборъ камыша для кровельныхъ работъ, караванная перевозка клади и т. п. За то киргизки, также въ противоположность сартянкамъ, несутъ на себѣ всю заботу какъ о домашнемъ хозяйствѣ, такъ и о приготовленіи различныхъ издѣлій для продажи. Онѣ обшиваютъ семью, изготовляютъ ковры, прядутъ шерсть, ткутъ армячину, тесьмы для кибитокъ и для подпругъ, связываютъ чай изъ камыша и соломы, служащіе для украшенія и защиты боковыхъ сторонъ кибитокъ, готовятъ молочные продукты,—словомъ, исполняютъ самыя разнообразныя работы.

Само собою разумѣется, что при многочисленности обязанностей, лежащихъ на женщинахъ въ аулѣ, онѣ лишь немного времени могутъ посвящать изготовленію издѣлій для продажи. Вслѣдствіе этого и на выставкѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ посредственныхъ ковровъ изъ Андижанскаго уѣзда, ничего выставлено не было; только юрта богатаго киргиза, установленная въ саду и разукрашенная по праздничному, знакомила посѣтителей съ искусствомъ киргизокъ въ изготовленіи разныхъ предметовъ, въ окраскѣ шерстей и въ бойкомъ составленіи рисунковъ, совершенно своеобразныхъ и чрезвычайно красивыхъ.

Главное мѣсто въ торговлѣ, которую ведутъ кочевники, принадлежитъ сырью, какъ-то: кожами и шкурами, овчинами и смушкамъ,

салу и шерсти, удовлетворяющимъ не только мѣстные нужды, но и служащимъ также предметомъ отпускной торговли.

Согласно даннымъ, находившимся въ «путеводителѣ по выставкѣ» (1890 года), вывозъ кожъ, шкуръ, овчинъ, смушекъ, сала говяжьего и шерсти по желѣзной дорогѣ равнялся въ 1889 году 458,396 рублямъ. Въ тоже время и по направленію къ Оренбургу не прекращалось транспортирование сырья караваннымъ порядкомъ, хотя, съ открытіемъ пути отъ Самарканда до Узунъ-Ада, къ тракту на Оренбургъ стали меньше обращаться.

Нѣсколько иное направленіе дѣятельности мы видѣли у осѣдлыхъ сартовъ. У нихъ, какъ это было описано выше, при безконечномъ разнообразіи промысловъ, почти всѣ издѣлія поступаютъ на базаръ въполнѣ законченными.

Г. Краузе, на основаніи статистическихъ данныхъ, считаетъ, что въ Сыръ-Дарьинской области кустарныхъ издѣлій готовится въ годъ на сумму	до 370,000 руб.
» Самаркандской	» 600,000 »
» Ферганской	» 400,000 »

Итого . . . до 1.370,000 руб.

Сумма эта сама по себѣ является довольно значительной; если же мы примемъ въ соображеніе, что она представляетъ собою стоимость труда, направленнаго къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ и насущныхъ потребностей населенія обширнаго края, то сумма эта покажется намъ болѣе, нежели скромной и подтвердитъ въполнѣ мнѣніе, высказанное раньше относительно мѣстной кустарной промышленности, а именно, что, не смотря на измѣнившіяся условія въ жизни туземцевъ, они и до сихъ поръ не оставляютъ унаслѣдованныхъ привычекъ и обычаевъ и остаются при прежнихъ скромныхъ размѣрахъ и крайнемъ дробленіи своихъ промышленныхъ занятій. Всѣ предметы, находившіеся въ кустарномъ отдѣлѣ Туркестанской выставки, свидѣтельствовали о такомъ именно направленіи работы кустарей, при чемъ они служили также къ выясненію той отрасли кустарныхъ занятій, которая преобладаетъ среди сартовъ. Самое большее число экспонентовъ приходилось на долю шелковыхъ издѣлій. Другихъ же представителей кустарной промышленности на выставкѣ было немного.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ положеніемъ кустарной промышленности и съ характеромъ кустарей въ Средней Азіи, постараемся

выяснить нѣсколько весьма существенныхъ для насъ вопросовъ, а именно: 1) имѣть-ли среднеазіатская кустарная промышленность какое либо значеніе для Европейской Россіи, 2) если она имѣетъ значеніе, то какія именно отрасли ея, 3) не встрѣчается ли надобность въ улучшеніи мѣстной кустарной промышленности и какими мѣрами можно было бы достигнуть такихъ улучшеній, и, наконецъ, 4) можно ли разсчитывать на мѣстныя учрежденія или мѣстныя силы, для введенія тѣхъ улучшеній, какія будутъ признаны полезными?

Своеобразный строй жизни, обычаи, привычки и потребности среднеазіатскаго жителя наложили особый отпечатокъ на издѣлія мѣстныхъ кустарей. Удовлетворяя вполне вкусу сартовъ, киргизовъ, бухарцевъ и др. и отличаясь весьма часто оригинальностью, а иногда и красотой, такія издѣлія не могутъ, однако, служить вообще европейцу, для домашняго его обихода, а являются у него лишь въ видѣ какого либо случайнаго украшенія или диковинки, вывезенной изъ дальнихъ странъ. Даже на мѣстѣ, въ Средней Азіи, и тамъ европейцу трудно обойтись только туземными издѣліями и онъ, переплачивая большія деньги, все-таки стремится къ тому, чтобы устроить свое жилище и обставить себя согласно своимъ привычкамъ и своимъ потребностямъ. И такое стремленіе замѣчается во всемъ, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда за изготовленіемъ той или другой вещи обращаются къ мѣстнымъ мастерамъ. Такая малая пригодность мѣстныхъ произведеній особенно проявляется, напримѣръ, въ шелковыхъ тканяхъ, работа которыхъ столь распространена въ Туркестанскомъ краѣ и въ Бухарѣ. Для насъ такія ткани, во вкусѣ чисто среднеазіатскомъ, непригодны потому, что онѣ очень узки (иныя не имѣютъ въ ширину и 8 вершковъ), слишкомъ легки и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ накрахмалены, вслѣдствіе чего онѣ на осязаніе очень непріятны, тверды. Между тѣмъ для сарта, для бухарца и проч.—накрахмаленная матерія отвѣчаетъ вполне его вкусу, такъ какъ халатъ, сшитый изъ такой матеріи имѣетъ видъ пышный и придаетъ внѣшности обладателя его нѣкоторую сановитость, чѣмъ туземцы очень дорожатъ.

Шелковыя ткани, изготавливаемые мѣстными кустарями во вкусѣ европейскомъ, также не особенно для насъ пригодны и по технике работы и по своей легкости, которую у насъ вообще мало цѣнятъ, и по относительно высокой стоимости такихъ матерій. Вообще нельзя не признать, что при существующихъ усовершенствованіяхъ въ производствѣ шелковыхъ тканей у насъ и на западѣ, шелковыя произве-

денія нашихъ восточныхъ окраинъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія въ торговлѣ европейскихъ рынковъ.

Нѣкоторое исключеніе въ кустарной работѣ туземцевъ составляетъ ковровое дѣло. Восточные ковры вошли въ такое всеобщее употребленіе всюду, и у насъ и на западѣ, что, сохраняя все свое значеніе въ жизни восточнаго человѣка, ковры стали вмѣстѣ съ тѣмъ любимымъ украшеніемъ европейца, и именно восточные ковры. Знакомясь съ положеніемъ этого дѣла въ краѣ, нельзя не придти къ заключенію, что производство ковровъ въ мѣстностяхъ, вошедшихъ въ составъ Россіи, не особенно значительно. Такъ, на базарахъ въ Ташкентѣ и Самаркандѣ можно найти столько же ковровъ, привозимыхъ изъ Бухары, изъ Кашгара и изъ далекаго Хотана, сколько и мѣстнаго производства. Всѣ эти ковры отличаются своими спеціальными тонами красокъ и очертаніями рисунковъ, но по исполненію—всѣ они далеко уступаютъ коврамъ, изготовлявшимся еще въ недавнее время въ Текинскомъ оазисѣ и въ Хивѣ. Нынѣ и тамъ качество ковровъ сильно понизилось.

Какъ ничтожно вообще производство ковровъ въ нашихъ восточныхъ владѣніяхъ, можно судить по суммѣ, на какую было вывезено ковровъ по желѣзной дорогѣ въ 1889 году. Сумма эта составила всего 26,486 руб. (путевод. по выстав. 1890 г.). Такъ какъ ковры представляютъ вообще товаръ цѣнный, то нельзя не признать, что указанная сумма служить лучшимъ доказательствомъ того, что особенно оживленной торговли ими не происходитъ. Къ тому же упомянутая сумма должна относиться къ вывозу не только ковровъ изъ Туркестанскаго края, а также изъ Бухары, Хивы и Текинскаго оазиса, пользующимся удобными сношеніями по желѣзной дорогѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что издѣлія среднеазиатской кустарной промышленности, которыя могли бы найти себѣ широкое примѣненіе въ Европейской Россіи и на западѣ, и тѣ по незначительности производства не могутъ служить предметомъ серьезныхъ торговыхъ оборотовъ съ Россіей. Но если, вообще, кустарныя издѣлія среднеазиатскихъ мастеровъ мало для насъ пригодны сами по себѣ и какъ товаръ, то многія изъ нихъ должны служить намъ образцами для промышленныхъ цѣлей, въ сношеніяхъ нашихъ съ крайнимъ востокомъ. Въ этомъ случаѣ главное мѣсто принадлежитъ рисункамъ тканей. Умѣнье пользоваться ими является чуть ли не самымъ вѣрнымъ залогомъ быстрого распространенія мануфактурныхъ товаровъ европейскаго происхожденія среди сартовъ, бухарцевъ, киргизовъ и т. п.

На Туркестанской выставкѣ было выставлено множество образцовъ отъ мануфактуры наслѣдниковъ Зубкова, съ надписью «ситцы азіатскихъ рисунковъ». Сравнивъ эти рисунки съ рисунками типичныхъ шелковыхъ, полшелковыхъ и бумажныхъ тканей, изготовляемыхъ специально для платья туземныхъ жителей въ мастерскихъ въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и Бухарѣ, я нашла весьма мало сходства между тѣми и другими. Мало свѣдущіе люди полагаютъ, что стоитъ ввести въ узоръ какую нибудь пестроту красокъ и выйдетъ восточный рисунокъ. На дѣлѣ это вовсе не такъ. Восточныя издѣлія отличаются дѣйствительно пестротой, но въ сочетаніи красокъ встрѣчается такая гармонія и онѣ такъ отвѣчаютъ формамъ рисунка, что ничего рѣжущаго глаза въ нихъ никогда не бываетъ. Къ тому же ясность красокъ въ нихъ поразительна. Изучая вопросъ этотъ на мѣстахъ производства тканей, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что самые типичные рисунки состоятъ всего изъ пяти—шести красокъ, какъ, напримѣръ, старинный узоръ, называемый «семицвѣтное дерево». Въ этомъ узорѣ находятся всего пять красокъ: красная, желтая, свѣтло-синяя, бѣлая и черная. Все это цвѣта основные безъ примѣси какихъ либо тусклыхъ тоновъ, сѣрыхъ и другихъ, вслѣдствіе чего общій видъ рисунковъ на такихъ матеріяхъ отличается ясностью и свѣжестью красокъ. Но наши мануфактуристы мало обращаютъ на это вниманія и довольствуются только пестротой узоровъ.

Между тѣмъ, выборъ рисунка и соответствующихъ красокъ особенно важны въ этомъ случаѣ. Лучше всего ознакомиться съ этимъ вопросомъ мнѣ удалось въ Бухарѣ, благодаря вниманію членовъ Россійскаго политическаго агентства и представителю тамошней русской торговой колоніи г-ну Жоравко-Покорскому. Всѣ эти лица передавали мнѣ, что кромѣ доброкачественности, англійскія бумажныя матеріи имѣли до сихъ поръ преимущество передъ русскими собственно потому, что лучше отвѣчали вкусу въ выборѣ рисунковъ. Убѣдившись въ этомъ, г. Покорскій сталъ посылать петербургскому фабриканту ситца Гуку образцы шелковыхъ и другихъ тканей для того, чтобы онъ точно подражалъ рисункамъ и сочетанію цвѣтовъ. На сколько этотъ пріемъ оказался вѣрнымъ, можно судить по результатамъ, достигнутымъ г. Покорскимъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ бухарцами. Послѣдніе, не смотря на привычку получать отъ московскихъ фабрикантовъ товаръ по баснословно дешевой цѣнѣ и въ кредитъ, доходящій до крайняго риска, берутъ на наличныя деньги на расхватъ ситцы, исполненные по заказу

г. Покорскаго, платя, цѣны болѣе высокія, такъ какъ товаръ вполне отвѣчаетъ ихъ вкусу.

Кромѣ узоровъ для матерій и другіе рисунки, встрѣчаемые на различныхъ произведеніяхъ среднеазіатскихъ кустарей, могли бы съ большимъ успѣхомъ служить для обновленія нѣкоторыхъ производствъ у насъ. Такъ, напримѣръ, рѣзные работы по дереву, цвѣтные рисунки на деревянныхъ издѣліяхъ, чеканные узоры на кунганахъ, блюдахъ, чернильницахъ и т. п. всѣ они могли бы примѣняться и у насъ.

Указавъ, такимъ образомъ, на ту пользу, какую вполне законченные кустарные произведенія востока могли бы косвенно принести промышленности въ Россіи, обратимся къ другому рода кустарной промышленности въ Средней Азіи, — къ приготовленію сырья. Въ этомъ случаѣ каждая отрасль представляетъ значительную цѣнность, потому что и кожи, и смушки, и шерсть, и хлопокъ, и шелкъ, все это сырье можетъ служить не только предметомъ переработки въ Европейской Россіи, но занять также почетное мѣсто въ торговыхъ сношеніяхъ нашихъ съ западомъ.

О томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ находится промышленность по заготовкѣ сырья у кочевниковъ мы уже знаемъ изъ сказаннаго раньше. Что же касается приготовленія сырыхъ матеріаловъ у осѣдлыхъ туземцевъ, то дѣло это у нихъ обстоитъ нѣсколько лучше. Въ особенности хлопководство пошло значительно впередъ, благодаря усиліямъ администраціи и частной предпріимчивости. Какъ быстро двинулось развитіе этой промышленности со времени введенія посѣвовъ американскаго хлопка, можно судить по нижеслѣдующимъ цифрамъ, помѣщеннымъ въ «путеводителѣ по Туркестанской выставкѣ 1890 года». Въ 1884 году въ Туркестанскомъ краѣ было подъ американскимъ хлопкомъ 205 десятинъ, давшихъ 10,000 пудовъ волокна; въ 1887 году было уже 14,338 десятинъ и отправлено 212,000 пуд. волокна; въ 1888 году — 37,137 десятинъ, давшихъ — 561,614 пуд. волокна. Въ 1889 году отправлено изъ Туркестана очищеннаго хлопка на сумму болѣе 6.000,000 рублей».

Въ самомъ началѣ трудно было убѣдить туземныхъ жителей въ превосходствѣ американскаго хлопка надъ среднеазіатскимъ; но когда результаты стали сами за себя говорить, явилось такое увлеченіе посѣвами американскаго хлопка, что администрація края начала опасаться, какъ бы мелкіе предприниматели, затративъ на рискованный (вслѣдствіе возможности неурожаевъ) посѣвъ хлопка послѣднія свои средства,

не впади бы въ бѣдственное положеніе. Рядъ опытовъ, производившихся на опытной станціи въ Ташкентѣ и нѣсколько послѣдовательныхъ сѣѣздовъ хлопководовъ выяснили, что лучшими условіями для посѣвовъ американскаго хлопка обладаетъ Ферганская область и мѣстности, лежащія къ югу отъ города Ходжента. Что касается Ташкентскаго уѣзда, то хотя относительное обиліе орошенія и представляетъ много удобствъ для устройства хлопковыхъ плантацій, но климатическія условія, — болѣе поздняя весна и болѣе ранняя осень, съ утренниками, — подвергаютъ хлопководство извѣстному риску, котораго оно въ иныхъ частяхъ Туркестанскаго края не испытываетъ.

Не смотря на это, ташкентскіе сарты все-таки продолжаютъ засѣвать хлопокъ, и вотъ почему: кромѣ личнаго потребленія хлопка, въ видѣ ваты для халатовъ и одѣяль, нитокъ для шитья, пряжи для бумажной матеріи «маты», употребляемой для всѣхъ домашнихъ нуждъ, сарты не имѣютъ другаго промысла въ настоящее время, который, занимая мужскія и женскія руки, давалъ бы имъ столь же вѣрный заработокъ, какимъ является очистка хлопка и приготовленіе изъ него разныхъ матеріаловъ.

Шелководство, въ этомъ случаѣ, могло бы оказать не малыя услуги, но условія, въ какихъ оно находится, не способствуютъ развитію этой промышленности въ краѣ. Къ тому же до настоящаго времени сколько нибудь серьезныхъ попытокъ къ улучшенію шелководства въ Туркестанѣ предпринимаяемо не было. Между тѣмъ, вопросъ о правильномъ веденіи шелководства имѣетъ самое существенное значеніе для нашихъ среднеазиатскихъ владѣній и заслуживаетъ самаго большаго вниманія. Туркестанъ по своему географическому положенію и прекрасному климату нельзя не признать краемъ шелка. Всюду до сихъ поръ встрѣчаются доказательства того, что шелководство среди туземцевъ процвѣтало въ значительной степени. Занятіе это имѣло характеръ чисто кустарнаго производства, а потому и по настоящее время въ семьяхъ сартовъ встрѣчаются люди, знакомые съ выкармливаніемъ шелкопряда и обработкой шелка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, согласно заявленію лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ шелководства, послѣднее находится въ значительномъ упадкѣ. Падать же оно стало со времени водворенія русскихъ въ Туркестанѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе вырубки шелковичнаго дерева и употребленія его для топлива. Съ открытіемъ въ краѣ разныхъ заводовъ уничтоженіе шелковицы пошло еще быстрѣе, благодаря наклонности туземцевъ къ

скорой и легкой наживѣ. Администрація не только не принимала никакихъ мѣръ противъ вырубки шелковицы, а, напротивъ, назначала на тутовые дрова цѣны болѣе дорогія, чѣмъ на дрова ивовыя и тополевыя. Туземцы, съ своей стороны, не заботились о насажденіи новыхъ плантацій шелковичнаго дерева, а замѣняли ихъ другими, скорѣе растущими древесными насажденіями. Такимъ образомъ, въ теченіе 20—25 лѣтъ, большая часть тутовыхъ насажденій была истреблена, въ особенности вблизи городовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и шелководство стало клониться къ упадку, за недостаткомъ корма для червя. Быстрое развитіе хлопководства въ краѣ также неблагопріятно отразилось на шелководствѣ, такъ какъ спросъ на рабочія руки очень увеличился, при чемъ плата на нихъ значительно возрасла. Помимо всего этого, въ 1869 году появилась болѣзнь на червяхъ, («корналія» по изслѣдованію Федченко), заразившая мѣстнаго шелкопряда. Другой бичъ шелководства — «пегрина» явилась въ краѣ вслѣдствіе страшнаго зараженія этой болѣзью шелкопряда въ западной Европѣ. Желая спасти шелководство отъ полного уничтоженія, иностранцы бросились скупать здоровую грену въ другихъ странахъ. Съ занятіемъ русскими Туркестана и сюда явились скупщики грены, а вслѣдъ за тѣмъ появились и первые признаки «пегрины». Такое совпаденіе заболѣванія червя объясняется мѣстными жителями слѣдующими обстоятельствами: производство грены не представляетъ почти никакихъ затрудненій и доступно большинству самыхъ небогатыхъ шелководовъ; иностранные же скупщики предлагали за нее весьма высокую цѣну, и, потому мелкіе шелководы, въ предвидѣніи быстрой и легкой наживы, занялись почти исключительно добываніемъ грены. Между тѣмъ, дурной уходъ за шелкопрядомъ, небрежное его питаніе и совершенное отсутствіе сортировки коконовъ, предназначавшихся для выводки червя, незамедлили отразиться на качествѣ послѣдней. Существованіе «пегрины» въ ходжентскихъ шелководняхъ было замѣчено въ первый разъ (А. П. Федченко) въ 1871 году.

Для пресѣченія распространенія болѣзни шелкопряда покойный генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ предпринялъ рядъ мѣръ. Онъ совершенно запретилъ вывозъ грены изъ Туркестанскаго края и учредилъ въ Ташкентѣ, въ 1874 году, школу шелководства съ цѣлью изученія мѣстныхъ болѣзней шелкопряда и распространенія среди туземцевъ здоровой грены. Повидимому, однако, школа не дала хорошихъ результатовъ, и потому генераль-губернаторъ М. Г. Черняевъ

закрывъ школу въ 1884 году. Лица, близко знакомыя съ устройствомъ школы, приписываютъ всю неудачу тому, что дѣло съ самаго начала было поведено непрактично, безъ достаточнаго изученія мѣстныхъ условій и привычекъ населенія. Въ виду того, однако, что огражденіе шелкопряда отъ болѣзней составляло вопросъ въ высшей степени важный, генераль-губернаторъ Н. О. Розенбахъ, въ первый же годъ управленія краемъ, учредилъ при устроенной имъ въ Ташкентѣ опытной хлопковой плантаціи гренажную станцію, поручивъ ей заготовленіе и распространеніе между туземцами целлюлярной грены взаимнѣ туземной, зараженной пембриной. Такія же гренажныя станціи были устроены: въ Петро-Александровскѣ для доставленія здоровой грены туземцамъ Хивы и окрестныхъ мѣстностей, въ Маргеланѣ—для всей Ферганы и Ходжента и въ Самаркандѣ—для Зеравшанскаго округа и Бухары. На сколько работа на устроенныхъ гренажныхъ станціяхъ была успѣшна, мнѣнія лицъ знающихъ, весьма различны. Достаточно будетъ указать на слѣдующіе два факта: 1) года два тому назадъ, Бухарскій эмиръ, въ видахъ распространенія среди бухарскихъ шелководовъ здоровой грены, гарантировалъ корсиканцу Алоизи покупку извѣстнаго количества золотниковъ грены, получаемой имъ изъ Корсики, и 2) послѣ экспертизы, произведенной въ отдѣлѣ шелководства на выставкѣ въ Ташкентѣ, распорядительнымъ комитетомъ выставки присвоено упомянутому гренеру званіе «поставщика целлюлярной грены въ Туркестанскомъ краѣ». Съ своей стороны, главный начальникъ края, основываясь на удостовѣреніи свѣдущихъ лицъ въ доброкачественности грены Алоизи, нашелъ полезнымъ рекомендовать избраннаго поставщика мѣстнымъ шелководамъ *).

Такое признаніе со стороны высшей власти въ Бухарѣ и Ташкентѣ полного превосходства корсиканской грены надъ той, которая готовится на гренажныхъ станціяхъ, учрежденныхъ въ краѣ—многознаменательно.

Указанными выше мѣрами не исчерпываются всѣ нужды шелководства въ Туркестанѣ. Весьма важными вопросами, въ этомъ случаѣ, являются также: 1) возобновленіе тутовыхъ плантацій, 2) распространеніе среди туземцевъ, а по возможности и среди русскихъ поселенцевъ, знанія

*) Объявленіе отъ канцеляріи Туркестанскаго генераль-губернатора. («Туркест. Вѣд.», № 5, 1891 г.).

правильнаго ухода за шелкопрядомъ и выкармливанія его, 3) открытіе конторъ для скупки коконовъ изъ первыхъ рукъ у кустарей-шелководовъ, выдача ссудъ и задаточныхъ денегъ подъ коконы, и 4) устройство при конторахъ шелкомотальныхъ мастерскихъ или фабрикъ (а не школъ) на коммерческихъ основаніяхъ, въ болѣе центральныхъ городахъ Туркестана.

По мнѣнію свѣдущихъ лицъ, было бы крайне необходимо приступить теперь же къ насажденію шелковицы. Достигнуть быстрого разведенія ея можно было бы при содѣйствіи мѣстнаго высшаго начальства, какъ это дѣлается нынѣ для обсадки улицъ разными породами деревьевъ. Туземцы съ большой готовностью исполняютъ приказаніе начальства и насаживаютъ деревья по его указанію, вполнѣ сознавая пользу отъ такого распоряженія. Шелковицей было бы весьма полезно обсаживать межики, границы полей, улицы, дороги, арыки и хлопковыя плантаціи. Для послѣднихъ такая обсадка являлась бы прекрасной защитой отъ сухихъ и горячихъ вѣтровъ, приносящихъ значительный вредъ хлопковымъ плантаціямъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. При введеніи обязательной посадки извѣстнаго числа деревьевъ ежегодно, не понадобилось бы ни даровой раздачи шелковицы, ни устройства казеннаго питомника, а было бы желательно только на первое время поощрить какой либо наградой тѣхъ изъ туземцевъ, которые успѣшнѣе поведутъ посадку у себя. Помимо этого, необходимо было бы совершенно воспретить рубку шелковицы. Въ видѣ исключенія, можно было бы вырубать только самыя старыя деревья, но съ непремѣннымъ условіемъ немедленной посадки молодой шелковицы взамѣнъ вырубленной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы объявить штрафъ за продажу и покупку шелковичныхъ дровъ, досокъ и проч. матеріала, приготовляемаго изъ шелковицы. Такъ какъ сарты отлично знаютъ уходъ за шелковицей и дерево это прекрасно и быстро растетъ въ краѣ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что указанныя выше мѣры привели бы къ хорошимъ результатамъ въ самое непродолжительное время.

Относительно вопроса втораго, касающагося распространенія среди туземцевъ и русскихъ поселенцевъ знанія правильнаго ухода за шелкопрядомъ, мнѣнія лицъ знающихъ различны. Нѣкоторые изъ нихъ считали народныхъ учителей лучшими проводниками полезныхъ знаній среди населенія края. Они указывали на Туркестанскую учительскую семинарію, гдѣ уже и въ настоящее время молодые люди проходятъ

курс шелководства, но только поверхностно. Преобразовать этот курс и ввести не только теоретическое, но и практическое изучение шелководства, было бы, по мнѣнію этихъ лицъ, тѣмъ легче и удобнѣе, что въ числѣ преподавателей семинаріи находится бывшій директоръ закрытой въ Ташкентѣ школы шелководства В. Ф. Опанинъ, человѣкъ основательно знающій это дѣло. Для населенія русскихъ поселковъ учителя, изучившіе вполнѣ правильный уходъ за шелкопрядомъ, могли бы оказать несомнѣнно большую пользу. Что же касается туземнаго населенія, то вопросъ этотъ представляется нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. Обученіе правильному шелководству посредствомъ народныхъ учителей, могло бы происходить только въ русско-туземной школѣ, такъ какъ другихъ низшихъ школъ для туземцевъ въ краѣ не существуетъ; но мальчики, попадающіе въ эти школы, слишкомъ обременены занятіями, потому что они одновременно проходятъ установленный курсъ по русской грамотѣ, письму, ариметикѣ, географіи съ исторіей и свою замысловатую грамоту и письмо. Дѣти буквально цѣлый день сидятъ за указкой и едва-ли въ курсъ такихъ школъ было бы возможно ввести новое занятіе хотя бы и чисто практическое.

Директоръ Туркестанской учительской семинаріи, передавалъ мнѣ, что при основаніи русско-туземныхъ школъ, взгляды администраціи на это дѣло расходились. Губернаторъ Сыръ-Дарьинской области находилъ нужнымъ устраивать и устраивалъ школы въ кишлакахъ (деревняхъ). Учебное вѣдомство, напротивъ, стремилось къ открытію школъ въ городахъ, исходя изъ того мнѣнія, что въ кишлакахъ, особенно нагорныхъ, населеніе почти никогда не видитъ русскихъ, и потому для него русская рѣчь является ненужной, непригодной для употребленія. Въ городахъ же есть русская администрація, русскія войска, русскія семьи, а слѣдовательно есть потребность для сарта говорить по-русски; русская рѣчь является для него нѣсколько знакомой по звукамъ и онъ всюду можетъ найти случай упражняться въ томъ, чему его учитъ школа. Такъ-ли это вышло на дѣлѣ, мы сейчасъ увидимъ. Школы, открытыя въ кишлакахъ, или вовсе закрылись за неимѣніемъ учениковъ, или влечать грустное существованіе, такъ какъ, кромѣ русскаго учителя, въ такихъ мѣстахъ сарты, киргизы и туркмены никогда русскихъ не видятъ и русскаго языка не слышатъ. Въ городахъ дѣло тоже пошло не особенно важно, благодаря тому, что по распоряженію об-

ластной администраціи, нѣкоторыя школы изъ городскихъ были преобразованы въ русско-туземныя; но и эти послѣднія школы не утвердились въ краѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, числилось въ 1890 году 24 такихъ школы; однако, хорошо дѣйствующихъ было лишь 4 школы, находящіяся въ Ташкентѣ.

При такихъ условіяхъ едва ли возможно рассчитывать на русско-туземныя школы для того, чтобы посредствомъ учителей обучить сартовъ улучшенному уходу за шелкопрядомъ. Поэтому, вполне раздѣляя мнѣніе относительно пользы, какую учителя въ русскихъ сельскихъ школахъ могли бы принести правильному развитію шелководства въ Туркестанѣ, мы полагаемъ, что для достиженія той же цѣли среди туземцевъ необходимы иные приемы, а именно: открытіе конторъ для скупки коконовъ изъ первыхъ рукъ у кустарей-шелководовъ и выдача ссудъ и задаточныхъ денегъ подъ коконы. Мѣры эти должны были бы оградить шелководство отъ перекупщиковъ, платящихъ просто гроши, и установить болѣе правильную оцѣнку товара. При этомъ слѣдовало бы обратить наибольшее вниманіе на частныя учрежденія, выдавать имъ на срокъ ссуды заимообразно и ни въ какомъ случаѣ не устраивать казенныхъ конторъ. Насколько правильная разцѣнка товара важна и какимъ могучимъ рычагомъ она служить для развитія промышленности, можно судить по распространенію хлопководства въ краѣ. Этому дѣлу болѣе всего способствовали нѣкоторые капиталисты, выдававшіе землевладѣльцамъ деньги впередъ, причемъ цѣну на хлопокъ они назначали болѣе высокую, нежели та, которая существовала въ то время на базарахъ.

Теперь остается коснуться вопроса объ устройствѣ шелкомотальныхъ мастерскихъ или фабрикъ, на коммерческихъ основаніяхъ, въ болѣе центральныхъ городахъ Туркестанскаго края. Открытіе шелкомотальныхъ мастерскихъ обуславливается необходимостью научить туземное населеніе, уже занимающееся размоткой шелка, употребленію усовершенствованныхъ орудій работы, такъ какъ нынѣ существующая у сартовъ размотка обезцѣниваетъ шелкъ даже лучшаго сорта коконовъ. Такія мастерскія цѣлесообразнѣе всего было бы устраивать при конторахъ, занимающихся скупкой коконовъ, и на первое время не болѣе какъ на 20-ть станковъ.

По расчету свѣдущихъ лицъ, одна мастерская о 20-ти станкахъ потребовала бы слѣдующаго ежегоднаго расхода:

на наемъ квартиры, въ годъ	450 руб.
плата 20 рабочимъ мальчикамъ, по 5 р. въ мѣсяцъ . . .	1,200 »
жалованье мастеру, могущему исполнять также и долж-	
ность конторщика, въ годъ	600 »
топливо для производства работы и для квартиры . . .	250 »
ремонтъ станковъ и непредвидѣнные расходы	150 »

Итого. . . 2,650 руб.

Единовременный расходъ:

Приобрѣтеніе станковъ и всего необходимаго инвентаря	
для производства работы	1,000 руб.

Всего. . . 3,650 руб.

Приходъ приблизительный:

20 рабочихъ могутъ ежемѣсячно выработать шелка каж-
дый на 20 руб., а въ теченіе всего года на сумму . . 4,800 руб.

Такой приблизительный расчетъ расхода и прихода въ мастер-
ской о 20-ти шелкоразмотныхъ станкахъ даетъ перевѣсъ прихода
въ 1,150 рублей.

Если бы министерство государственныхъ имуществъ нашло воз-
можнымъ, въ видахъ поощренія шелководства, выдавать нѣкоторымъ
лицамъ, по заявленію мѣстной администраціи, заимообразно ссуду
на устройство въ вышеуказанныхъ размѣрахъ шелкоразмотныхъ мастер-
скихъ, послѣднія могли бы въ теченіе 4-хъ лѣтъ легко возвратить ее.
Такія мѣры дали бы возможность двинуть впередъ шелководство
во всемъ Туркестанѣ безъ тѣхъ значительныхъ затратъ, какія потре-
бовались уже въ европейской Россіи для упроченія шелководства.

Все высказанное выше о среднеазіатской кустарной промышленно-
сти достаточно выясняетъ положеніе и значеніе ея не только для мѣст-
ныхъ жителей, но и для всего нашего отечества.

Мы могли отмѣтить два направленія этой промышленности, а
именно: 1) изготовленіе предметовъ, отвѣчающихъ вполнѣ требованіямъ
туземнаго населенія, поступающихъ въ продажу въ видѣ совершенно
готовыхъ издѣлій, и 2) приготовленіе сырья, доставляемаго на базаръ
въ полуобработанномъ или совершенно необработанномъ видѣ. Мы
могли также судить и о томъ, какое значеніе можетъ имѣть раз-
витіе той или другой отрасли кустарнаго труда. Такъ, на примѣръ,

при томъ распространеніи и крайнемъ дробленіи кустарныхъ производствъ, какое встрѣчается среди сартовъ, занятыхъ исключительно работою мѣстныхъ издѣлій, введеніе какихъ либо улучшеній вовсе не требуется. И въ самомъ дѣлѣ, будутъ ли туземцы изготовлять чеканные кунганы или ковать гладкіе, будутъ ли они крахмалить свои узкія шелковыя ткани или нѣтъ и т. п., — это все равно; для нашего употребленія ни тѣ, ни другія издѣлія не пригодны, и такъ какъ они вполне удовлетворяютъ мѣстныхъ жителей, то всякое вмѣшательство въ способы работы было бы излишне. Напротивъ, въ заготовленіи сыраго или полуобработаннаго матеріала мы прямо заинтересованы, не только въ томъ, чтобы матеріалы эти приготовлялись въ большемъ количествѣ, но также и въ томъ, чтобы они были наилучшаго качества чтобы при переработкѣ ихъ въ европейской Россіи они могли бы дать наилучшіе результаты. Поэтому, оставля совершенно въ сторонѣ вопросъ, объ улучшеніи кустарныхъ производствъ въ Туркестанскомъ краѣ вообще, мы должны въ частности стремиться къ тому, чтобы улучшить приемы въ приготовленіи и въ обработкѣ тѣхъ матеріаловъ, которые могутъ служить нашимъ промышленнымъ цѣлямъ.

Не смотря на преобладающее значеніе дѣятельности кочеваго населенія въ этомъ отношеніи, условія, сопровождающія жизнь его, лишаютъ насъ пока возможности точно опредѣлить тѣ мѣры, какими можно было бы повліять на усовершенствованіе производимыхъ имъ сырыхъ продуктовъ. Поэтому, предоставляя разработку этого вопроса будущему, обратимся къ заготовленію сырья осѣдлыми сартами. Въ ихъ дѣятельности особаго вниманія заслуживаютъ хлопководство и шелководство. Но хлопководство уже настолько развилось и окрѣпло, что дальнѣйшаго вмѣшательства правительства или какихъ либо поощрительныхъ мѣръ болѣе не требуется, и потому заботы наши должны быть направлены къ улучшенію среднеазіатскаго шелководства, въ отношеніи котораго желательно было бы принять нижеслѣдующія мѣры:

- 1) Снести съ мѣстной администраціей о введеніи обязательной посадки тутовыхъ деревьевъ и огражденіи имѣющихся еще тутовыхъ насажденій отъ уничтоженія.

2. Войти въ соглашеніе съ тѣми лицами, которыя, по положенію своему, могли бы служить развитію и улучшенію шелководства въ краѣ и пожелали бы, въ видѣ опыта, открыть шелкомотальныя мастерскія и устроить конторы для скупки коконовъ изъ первыхъ рукъ, съ цѣлью урегулированія цѣнъ на этотъ товаръ на базарахъ, при чемъ разрѣ-

пать такимъ лицамъ выдачу заимообразно ссудъ, потребныхъ для веденія этого дѣла.

3. Предложить Императорскому обществу садоводства въ Ташкентѣ расширить свою полезную дѣятельность учрежденіемъ общества сельскаго хозяйства, которое, разрабатывая вопросы, касающіеся мѣстныхъ нуждъ сельскаго хозяйства и сельской промышленности, служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ и ходатаемъ объ удовлетвореніи этихъ нуждъ. Въ задачи этого общества сельскаго хозяйства должно было бы войти и контролированіе исполненія тѣхъ или другихъ постановленій, касающихся, напримѣръ, посадки шелковицы и другихъ, и выдача въ видѣ поощренія лицамъ, оказавшимъ наибольшее усердіе въ улучшеніи своихъ сельскихъ занятій или сельской промышленности, медалей, почетныхъ халатовъ и т. п. наградъ, и

4. Устроить въ Ташкентѣ мастерскую, гдѣ сарты-юноши могли бы, по окончаніи обученія въ русско-туземной школѣ, научиться нѣкоторымъ мастерствамъ, какъ, напримѣръ: кузнечному, слесарному, столлярному и токарному, въ размѣрѣ, необходимомъ для починки машинъ, входящихъ все въ большее и большее употребленіе среди лицъ, занимающихся разными промышленными предпріятіями, а также и для изготовленія шелкомотальныхъ и другихъ станковъ, доставка которыхъ въ Ташкентъ слишкомъ увеличиваетъ ихъ цѣну и тѣмъ самымъ лишаетъ главныхъ потребителей такихъ станковъ возможности пользоваться ими. При такой мастерской было бы желательно устройство курсовъ для дальнѣйшаго совершенствованія учениковъ-сартовъ въ русскомъ языкѣ для пріобрѣтенія ими нѣкоторыхъ необходимыхъ познаній относительно обрабатываемыхъ матеріаловъ. Введеніе рисованія, въ объемѣ потребномъ для техническихъ работъ, было бы также крайне желательно.